

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакцію Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ III и IV

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій пр., № 12.

1894.

Якутская свадьба.

Въ якутской свадьбѣ всего болѣе поражаетъ наблюдателя ничтожное участие въ ея обрядахъ жениха и невѣсты. Онъ съ кнутомъ въ рукахъ, въ дорожномъ платѣ, низко нахлобучивъ мѣховую шапку на глаза, сидитъ за спицами сородичей на право отъ входа, въ углу, гдѣ обыкновенно привязываютъ телятъ, повернувшись лицомъ къ стѣнѣ, молчаливый и приниженный. Она, на лѣво отъ входа, въ такомъ-же мало почётномъ мѣстѣ, за камелькомъ, на лавкѣ, гдѣ въ старину спали рабыни, а теперь сняты слуги, спрятана за ровдужной занавѣской, куда заглядывать смѣютъ только знакомыя дѣвушки и женщины. Невѣста также одѣта въ дорожное, мѣховое платье, въ шапку и рукавицы, — На нихъ обоихъ стараются обращать возможно мало вниманія, они не участвуютъ въ общей трапезѣ, — имъ даютъ ѣсть отдѣльно и ихъ далеко не всѣ изъ пирующихъ видятъ.

Собственно героемъ на якутской свадьбѣ является родъ. А такъ какъ вступающіе въ бракъ по обычаю принадлежатъ къ различнымъ родамъ, то и свадьба распадается на два одинаковые празднества, раздѣленные иногда промежуткомъ въ нѣсколько лѣтъ; на первомъ, когда женихъ прѣзжаетъ впервые съ частью калыма въ домъ невѣсты, хозяиномъ является родъ невѣсты, на второмъ, когда невѣсту приводятъ въ домъ жениха, — родъ послѣдняго.

Обѣ эти церимоніи, за исключеніемъ небольшихъ деталей, тождественны. Онѣ состоятъ главнымъ образомъ въ обмѣнѣ подарками и угощеніи. Обмѣнъ подарками — обычное выраженіе дружбы у Якутовъ. У нихъ есть слово «догоръ» для обозначенія вообще пріятельскихъ, доброжелательныхъ отношеній, но кромѣ того есть и спеціальное слово «атасъ» равно-значущее — «побратимъ», употреблявшееся въ старину, въ личныхъ обращеніяхъ, воинами одного отряда, и служащее для обозначенія особенно близкихъ и нѣжныхъ отношеній у людей одного пола и приблизительно одного положенія. Слово «атасъ» происходитъ отъ того-же корня, что «атаста» — обмѣнъ. Обмѣняться въ знакъ дружбы можно чѣмъ угодно, но свадебные подарки, главнымъ образомъ, сводятся къ обмѣну пищей, мясомъ и живымъ скотомъ.

Въ этомъ отношеніи якутская свадьба чрезвычайно близко подходитъ къ древней якутской мировой, которой нерѣдко кончались ихъ кровавыя распри и родовая месть. И тутъ и тамъ центромъ обряда является обѣдъ,

во время котораго двѣ различныя группы обмѣниваются подарками, состоящими изъ мяса и жиру. Сходство усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что и тутъ и тамъ въ обмѣнъ входятъ, какъ неизбѣжный аксессуаръ, неразрубленныя голени животныхъ.

«Какъ вы водбой, такъ мы скотскимъ мясомъ и цѣлыми костями дѣлимся въ знакъ дружбы и родства», объясняли мнѣ Якуты

Кромѣ того есть еще много другихъ, второстепенныхъ подробностей, сближающихъ якутскую свадьбу съ враждебнымъ нашествіемъ и велѣдъ за тѣмъ заключеніемъ мировой. Отношенія обоихъ встрѣчающихся на ней родовъ полны вначалѣ какъ-бы недоувѣрія и соревнованія. Нѣкогда впереди поѣзжанъ высылались три отборные «батыря» (воина), называемые «сватами высмотрщиками» (тюгюръ корѣччи). Они являлись въ домъ невѣсты въ походномъ платьи и полномъ вооруженіи. Спрошенныя, что имъ нужно, отвѣчали: «неугасимый огонь зажечь, мѣдный столбъ ставить, новую юрту строить». Тогда подавали имъ три большіе кубка съ кумысомъ, и такіе-же сосуды брали три отборные воина изъ рода невѣсты. Ставъ на колѣни одинъ за другимъ и другъ противъ друга, пили одновременно напитокъ; кто поперхнулся или не въ состояніи былъ выпить, тотъ терялъ «счастіе». Соревнованіе по преданіямъ, доходило до того, что въ кумысъ пріѣзжимъ подмѣшивали мелко рубленый конскій волосъ.

Болѣе или менѣе мирныя состязанія продолжаются во все три свадебныхъ дня.

Еще недавно былъ обычай, что во время дѣлежа мяса мѣстный родъ выставялъ борца, который, ухвативши по срединѣ скотскую голень, скользкую и очищенную отъ мяса, подымалъ ее вверхъ и выскакивалъ на ровную площадку двора съ крикомъ «кюресь!»—Молодежь пріѣхавшаго рода бросалась на него, стараясь отнять кость. Родъ заполучившій ее бралъ «счастіе». Подниманіе тяжестей, проба силы, скачки, стрѣльба изъ лука до сихъ поръ въ большомъ ходу на якутскихъ свадьбахъ, и всюду родъ мѣстный и роды пріѣзжіе выступаютъ соперниками.

Приближеніе поѣзжанъ до сихъ поръ стерегутъ особыя, поставленные на крышахъ, караульные. Они рѣзкимъ крикомъ даютъ знать, и тогда изъ дому мчится на встрѣчу ѣдущимъ верховой. Поѣзжане тоже летятъ къ дому въ скачъ; поровнявшись съ ними верховой поворачиваетъ назадъ; тогда кто нибудь изъ ѣдущихъ, старается опередить его. Кто опередитъ, тотъ беретъ «счастіе».—Словомъ «джоль»—счастіе, Якуты обозначаютъ всякую добычу, всякую удачу, будь это даже «удача въ кражѣ».

Многіе изъ этихъ обычаевъ уже исчезаютъ; якутская свадьба русветъ.

«Появились столы да вилки, водка да рюмки» — жаловались мнѣ правовѣрные Явуты. Я имѣлъ возможность наблюдать въ Колымскѣ старинную свадьбу и вкратцѣ ее опишу.

Вызвали насъ на эту свадьбу за сто верстъ особымъ нарочнымъ: моего хозяина, какъ вліятельнаго и богатаго родовича невѣсты, меня въ качествѣ почетнаго гостя. Когда поѣзжане, послѣ того какъ продѣлали церимонію съ высланнымъ противъ нихъ всадникомъ, въѣхали уже шагомъ во дворъ юрты, ихъ встрѣтили родовичи невѣсты у дверей, выстроившись въ двѣ шеренги: на право мужчины, на лѣво женщины. Коня и стремя у каждаго изъ поѣзжанъ попридержалъ соотвѣтственной почетности родовичъ невѣсты; затѣмъ всѣ, исключая жениха, вошли въ юрту. Здѣсь они усѣлись на скамьяхъ вдоль стѣнъ на право отъ входа. Напротивъ входа, примыкая къ нимъ подъ угломъ, усѣлись отецъ невѣсты, шаманъ, мой хозяинъ и такъ дальше другіе почетные сородичи дома. Всѣмъ сейчасъ же подали бокалы съ кумысомъ; подержавъ ихъ немного, они возвратили прислужнику, для изліяній на огонь. Затѣмъ, отпивали немного, передавали въ кругъ и получали бокалы взамѣнъ отъ сосѣдей. Когда кумысъ былъ выпить и подарки, состоящіе изъ стегнъ мяса, внесены въ домъ, самый младшій изъ поѣзжанъ пошелъ за женихомъ, который одинъ одинѣшенекъ стоялъ въ полѣ и глядя на востокъ усердно крестился. Дѣло было зимою въ ноябрѣ. Посланный, взявши его за плѣтку, повелъ въ юрту. Здѣсь молодой сталъ на колѣни у мѣшка, гдѣ завязана была вареная кобыля голова, отколупалъ ножемъ у нея изъ подъ глазъ три кусочка жиру и бросилъ въ три приема на огонь.

Затѣмъ голову положили на красномъ мѣстѣ среди поѣзжанъ, а жениха повели въ уголь; невѣста давно уже была спрятана за каминомъ. Больше молодые не участвовали въ свадебныхъ обрядахъ; на первое мѣсто выдвинулись родители и сородичи. Обряды впрочемъ были очень несложные, хотя и длились три дня. Въ старину, говорятъ, пѣлись пѣсни, дѣлались заклинанія и совершались церимоніи, изъ которыхъ замѣчательны, напримѣръ, символическое разведеніе невѣстой огня въ домъ мужа (уоть сардахъ), затѣмъ приобщеніе приведеннаго скота къ стадамъ (харамни юрюляхъ), съ явными слѣдами культа огня, какъ опекуна дома. Въ настоящее время все это исчезаетъ, остается только самое существенное: угощеніе рода и обмѣнъ подарками.

Сейчасъ же послѣ входа въ домъ жениха бьютъ скоть, обыкновенно кобылу и корову, варятъ ихъ мясо и внутренности тутъ-же на глазахъ пирующихъ въ огромныхъ котлахъ; затѣмъ на полу разстилаютъ шкуру свѣжеубитыхъ животныхъ, мездрой вверху и на ней раскладываютъ передъ каждымъ изъ гостей кучки предназначеннаго ему мяса. «Таковъ столъ древнихъ

якутовъ», объясняли мнѣ замѣну деревянныхъ столовъ кожей. Тутъ-то начиналась сцена совершенно похожая на обряды якутской мировой. Съѣвъ не-много, подымался съ своего мѣста «старшій свать», обыкновенно старшій дядя, пріѣхавшій во главѣ свадебнаго поѣзда и занимающій первое въ немъ мѣсто, бралъ лучший кусокъ изъ выдѣленной ему порціи и съ приличной рѣчью подносилъ его отцу или опекуну невесты. За нимъ тоже продѣлывали остальные поѣзжане. Въ свою очередь одаренные отвѣчали тѣмъ-же; подѣ ко-нецъ торжественность церимоніи нарушалась, начиналась суета, рѣчи прекра-щались, только мелькали въ воздухѣ дымящіеся куски мяса и раздавались отдѣльные окрики: «свать такой-то возьми! сватья такая-то бери»!.. Причемъ свать, сватья, кумъ, деверь, свекровь, невестка... всѣ эти названія родства, возникающія вмѣстѣ съ бракомъ, произносились особенно отчетливо и часто, какъ-бы для закрѣпленія ихъ въ памяти присутствующихъ. Въ рѣчахъ звучали все тѣ же фразы: «вотъ мы теперь породнились, будемъ жить въ мирѣ и согласіи!» Такіе обѣды повторялись ежедневно два раза утромъ и вечеромъ. Все время поѣзжане и ближайшіе родные невесты сидѣли неотлучно на своихъ мѣ-стахъ, все время, не смотря на жару и духоту, не снимали шапокъ, рукавицъ и походнаго костюма. Разъ только на второй день уѣхали инородные гости въ сосѣднюю юрту на нѣсколько часовъ; въ это время вскрыли привезенные ими тюки съ подарками и раздѣлили ихъ между всѣми присутствующими. Болѣе почетнымъ давали больше, менѣе почетнымъ—меньше, но давали всѣмъ безъ исключенія. Подарки состояли изъ варенаго и сыраго мяса. На третій день, свадебный поѣздъ верхами троекратно обвели по солнцу кругомъ столбовъ коновязи, и затѣмъ тѣ вскачъ удалились. Во главѣ поѣзда, какъ и раньше, ѣхалъ «старшій свать», въ концѣ—женихъ.

Первая половина свадьбы считалась законченной. Затѣмъ слѣдуетъ пе-ріодъ болѣе или менѣе продолжительный, отъ года до пяти лѣтъ, во время котораго выплачивается калымъ и когда мужъ можетъ видѣть жену только приведши часть скота и проживя по этому случаю нѣсколько дней въ домѣ ея родителей. Въ заключеніе мужъ увозилъ жену домой; ей неизбѣжно со-путствуютъ сородичи, дяди, тетки, братья, почетныя избранныя лица рода; они везутъ приданое невесты (эinne). Въ домѣ жениха опять три дня они сидятъ чинно по мѣстамъ, пируютъ и обмѣниваются подарками. Бракъ вслѣдъ за тѣмъ считается законченнымъ и жизнь вступаетъ въ обычную колею.

Конечно этотъ блѣдный абрисъ якутской свадьбы слабое только о ней даетъ представленіе. Она блѣдна обрядами, но богата мелкими событіями, ни-чего незначащими фразами, пересудами, оскорбленіями и вынужденною вѣжливостью и сдержанностью, которыя никогда не забываются, всѣми подмѣчаются и создаютъ

известныя отношенія. Нужно близко сжитья съ якутской родовой жизнью, чтобы понять, на сколько якутская свадьба полна еще родовыхъ традицій, родоваго духа и какая близкая между ними существуетъ связь. Нужно пови-
дать свадьбы въ различныхъ мѣстностяхъ, съ различной интенсивностью родо-
выхъ инстинктовъ, чтобы подмѣтить, какъ семейные интересы стремятся оттѣс-
нить родовые на второй планъ и какимъ путемъ они этого достигаютъ.

У родовыхъ традицій въ настоящее время только одинъ защитникъ — общественное мнѣніе. Законъ признаетъ только права семьи. Тѣмъ не менѣе до сихъ поръ «курумъ» — та часть калыма, которая идетъ исключительно на угощеніе и подарки присутствующимъ родичамъ, составляетъ крупную часть платы за невѣсту. У бѣдняковъ, ради нея убивающую единственную скотину, она составляетъ все, у болѣе богатыхъ она составляетъ $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$, уменьшаясь пропорціонально, но не абсолютно. На свадьбахъ богачей, гдѣ собирается по нѣскольку сотъ человѣкъ, она достигаетъ двухъ десятковъ штукъ крупнаго скота. «Въ старину было на свадьбѣ десять обѣдовъ, и на каждый убивали двѣ или одну штуку скота. Кромѣ того много уходило на подарки. «Курумъ», говоритъ преданіе, и есть собственно плата за невѣсту, а его до сихъ поръ получаетъ родъ. Принимать въ соображеніе тѣ незначительные куски мяса, которые поступаютъ у него въ собственность членовъ семьи, наврядъ ли можно въ сравненіи съ тѣмъ огромнымъ количествомъ, которое поѣдаютъ и разбираютъ сородичи. Замѣчательно также, что угощеніе на обоихъ празднествахъ, какъ въ домѣ жениха, такъ и невѣсты, идетъ за счетъ виновника жениха. «Курумъ» есть та часть «колыма», которая не возвращается, даже въ случаѣ неожиданной смерти жениха, тяжбы и проч., только побѣгъ и несогласіе невѣсты дѣлаетъ вопросъ спорнымъ, но имъ обязанъ воспрепятствовать родъ и родовая власть. Другія части колыма, какъ «сулу», «харамни» возвращаются со временемъ жениху, видъ приданаго невѣсты; подарки ея роднымъ, въ видѣ специальныхъ отдарковъ — тѣркютъ, даже плата «за поцѣлуй» (уось асаръ) подлежатъ возврату въ исключительныхъ случаяхъ и только «курумъ» возврату не подлежитъ. Это плата роду за обиду, за посягательство на его права, за утрату члена. «Курумъ» всецѣло ложится на семью жениха, но такъ какъ семья невѣсты тоже небольшую изъ него извлекаетъ пользу, то естественно обѣ онѣ стремятся уменьшить его долю. Народъ защищаетъ «курумъ», и скуная свадьба богача вызываетъ нареканія, даже публичную ругань. Тамъ, гдѣ родовыя отношенія еще сильно отражаются на хозяйственныхъ дѣлахъ, рѣдкіе осмѣливаются не считаться съ этимъ недовольствомъ. На шире, во время раздачи мяса родичи ведутъ себя совѣмъ свободно и зорко смотрятъ, чтобы ихъ не обдѣлили. На сѣверѣ «курумъ» составляетъ болѣе

крупную часть калыма, чѣмъ на югѣ. «Курумъ» былъ несомнѣнно первоначною, самой древнею частью калыма, другія зародились и разрослись въ послѣдствіи. Жалобы на калымъ, насколько я замѣтилъ, имѣютъ въ виду теперь только эту часть его; вообще же калымъ среди якутовъ находить ярыхъ защитниковъ. «Кто же станетъ отдавать даромъ человѣка!..» возмущались они, когда я настойчиво спрашивалъ ихъ, за что берутъ плату, желая уяснить себѣ основы обычая. Наврядъ ли возможно объяснить происхожденіе калыма вознагражденіемъ за воспитаніе, за уходъ, и т. д., какъ это объясняютъ сами якуты. Часто калымъ получаютъ люди, совершенно не принимавшіе участія въ воспитаніи невѣсты: братья, опекуны, дядья, наконецъ хозяева за своихъ работницъ, если у нихъ нѣтъ никого. Понятіе о калымѣ, какъ о неизбѣжномъ атрибутѣ брака, до того сильно вѣдрено въ сознаніе народа, что якутская дѣвушка была-бы глубоко огорчена, если бы не нашлось человѣка, который согласился бы потребовать за нее хоть рубль. Онѣ съ глубокимъ презрѣніемъ отзывались о русскихъ женщинахъ, которыя «сами платятъ, чтобы ихъ только взяли». — Калымъ въ общей сложности достигаетъ иногда 2000 руб. Самый меньшій, какой я записалъ, былъ рублей въ 10.

Если якутская свадьба напоминаетъ отчасти нападеніе, отчасти «мировую», а калымъ въ основѣ своей скрываетъ вину, то якутское сватовство (кельтеганъ) совершенно похоже на военную развѣдку. Три бравыхъ сородича молодого, иногда безъ него, иногда вмѣстѣ съ нимъ, отправляются гостить по сосѣдямъ. Тамъ, гдѣ имъ дѣвушка приглянулась, остаются дольше, до трехъ дней. Ничего не дѣлая, молча, сидятъ они подъ образами и зорко присматриваются къ домашнему обиходу, къ дѣвушкѣ, которая все это время прячется старательно за перегородкой, и является только, подавая пищу. Смотрятъ, какъ вымазанъ комелекъ, какъ содержится посуда, какъ шита и подвязана обувь молодой. Уходя на третій день, оставляютъ на столѣ лисицъ, деньги или водку, смотря по мѣстности. Они совершенно готовы къ отъѣзду: кони ихъ осѣдланы, постели уторочены, сами они одѣты и вооружены. Они дожидаются отвѣта на дворѣ. Въ это время въ юртѣ семья совѣтуется. Иногда спрашиваютъ и дѣвушку. Если позванные сваты увидятъ подарокъ свой на столѣ не тронутымъ, то молча забираютъ его и уходятъ; въ противномъ случаѣ начинаются переговоры о времени свадьбы, калымѣ, при чемъ старательно опредѣляются размѣры его разныхъ частей и порядокъ уплаты. Въ большинствѣ случаевъ женятъ молодыхъ родственники и родители за глаза; въ старину женили даже маленькихъ дѣтей, а женитьба въ 8—10 лѣтъ до недавна была дѣло обычное... Впрочемъ сватовству предворяетъ иногда и «высмотрѣ». Собирающійся жениться молодой якутъ, ѣдетъ уже совершенно тани-

ственно, прикрывая свое посѣщеніе розысками потеряннаго стада или промысломъ. Такого высмотрщика мѣстные парни встрѣчаютъ обыкновенно не особенно дружелюбно, а дѣвушки кокетливо; я же вспомнилъ видѣнныхъ мною высмотрщиковъ, когда записывалъ впоследствии слѣдующее преданіе:

«Ходя, блуждая по лѣсу, если увидѣли гдѣ красивую женщину, высматривали, гдѣ ея братья, гдѣ мужъ ходятъ, промышляютъ. Тамъ нападали на нихъ и убивали, а женщину уводили. Если нельзя было заполучить ея силой, брали обманомъ. Переодѣнутся въ платье убитаго и, подойдя къ юртѣ ночью, чтобы ихъ не могли видѣть, говорятъ: «эхъ! добычи не въ силахъ принести. Выйди, женщина, помоги!» Когда та за нимъ уходила въ лѣсъ, схватывали. Если сопротивлялась, прокалывали руку выше кисти и, продѣвши ремень, уводили насильно!»

Отмѣчу, что такимъ же образомъ по преданію, записанному въ другомъ мѣстѣ, извѣстный якутскій разбойникъ начала текущаго столѣтія «Маньчары», увелъ въ лѣсъ свою любовницу, жену извѣстнаго князя. Въ сказкахъ часто разсказывается о похищеніи женщинъ ради женитьбы, а большинство былинъ основано на поискахъ на чужбинѣ невесты или защиты родной сестры передъ подобной напастью.

Не можетъ быть сомнѣнія, что началомъ современнаго якутскаго экзогамическаго брака было похищеніе. Языкъ сохранилъ интересную въ этомъ отношеніи потребность; именно: приданое называется по якутски «энне», но «энне» въ старину собственно значило: «пощада жизни». Это слово произносилъ воинъ побѣжденный, но пожелавшій сохранить жизнь; послѣ чего онъ превращался въ раба и назывался «энне кулутъ». Войнъ въ предѣлахъ одного и того-же рода не бывало; жениться въ предѣлахъ одного и того-же рода строго воспрещаетъ обычай; даже въ чужомъ родѣ, но на живущихъ вблизи, жениться считается предосудительнымъ. «Дѣвушка, выходящая замужъ на родинѣ не бываетъ счастлива»; «хорошо, если вода близко, а родня жены (уру) далеко», говорятъ поговорки. — Богатые якуты обыкновенно берутъ женъ изъ дали, изъ за нѣсколькихъ сотъ верстъ. Все это понятно, если пріймемъ во вниманіе, что сородичи кочевали вмѣстѣ вблизи.

Подробное изученіе якутскаго брака обѣщаетъ дать богатый матеріалъ для теоріи происхожденія экзогаміи. Краткость сообщенія не позволяетъ мнѣ ближе разсмотрѣть многія частности. Позволю себѣ только добавить, что якуты до недавна были полигамисты, и что въ «Сборникѣ обычнаго права», составленномъ въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія самими инородцами по порученію правительства, они максимумъ своихъ женъ опредѣляютъ такъ: «больше пяти въ одно время не имѣемъ».

Затѣмъ укажу на тѣ слѣды еще болѣе древняго уже эндогамическаго брака, на которые наткнулся я, собирая другія общія свѣдѣнія.

«Когда Онохой прибылъ съ юга», говорится въ преданіи о южномъ происхожденіи якутовъ, «якуты брали въ жѣны собственныхъ сестѣръ, такъ какъ постороннихъ женщинъ не было». «Нѣкогда въ старину еще до Тигина якуты женились такъ: если изъ двухъ братьевъ одинъ имѣлъ сына, а другой дочь, то дѣти ихъ вступали въ бракъ». «Въ старину, когда юноша—могъ натянуть лукъ, бралъ въ жены одну изъ младшихъ сестеръ и уходилъ!..» Всѣ эти показанія и многія другія изъ записанныхъ мною указываютъ какъ-бы на сводный бракъ, между братьями и сестрами. Тоже самое подтверждаетъ общераспространенное среди якутовъ преданіе о первомъ человѣкѣ, у котораго было 7 дочерей и 8 сыновей. Онѣ вступили между собой въ бракъ, исключая одного. Тѣмъ не мѣнѣе я воздержусь до болѣе точныхъ свѣдѣній отъ какихъ-либо заключеній о формахъ этого прастараго якутскаго брака. Если родственныя названія суть тотъ оттискъ, который намъ въ наслѣдіе оставили формы исчезнувшаго брака, то изученіе якутскихъ родственныхъ названій прежде всего укажетъ на отсутствіе у нихъ въ этомъ прошломъ точнаго понятія братъ и сестра. У нихъ есть названія для старшаго брата, старшей сестры, младшаго брата, младшей сестры, но названія просто братъ и сестра у нихъ нѣтъ. Къ тому же имя «убей», «бій» значитъ не только старшій братъ, но старшій дядя, старшій двоюродный братъ, старшій племянникъ; вообще всякій въ родѣ, родившійся раньше, какъ это въ обыденной рѣчи до сихъ поръ принято говорить, хотя бы въ Колымскѣ. Такъ зовутъ только родовичей; неродовичей зовутъ «догоръ» — пріятель. Относительно «эджій» — старшая сестра, «ини» — младшій братъ, «балысь» — младшая сестра можно сказать тоже самое; прежде всего якуты какъ будто отгѣняютъ разницу въ возрастѣ, а затѣмъ уже стремятся путемъ всякихъ оговорокъ обозначить кровную близость. Это не результатъ бѣдности языка; онъ въ иныхъ случаяхъ проявляетъ даже излишнее богатство; такъ напр.: младшаго брата мущина зоветъ «ини» или «ого», а женщина — зоветъ «сурджя»; иначе зоветъ женщина невесту брата а нича — мущина; есть у якутовъ названіе для самыхъ отдаленныхъ степеней родства, и пр.: сы, которое стоитъ уже на предѣлахъ рода, и которое невозможно перевести по русски; есть у нихъ, наконецъ, богатая и совершенно отличная система для обозначенія родства, приобрѣтеннаго путемъ нынѣ существующаго брака.

Такую же неясность, какъ братъ и сестра, встрѣчаемъ въ названіяхъ «сынъ», «дочь», «дитя». Ихъ нѣтъ, а есть только: вообще мальчикъ — «уоль» и вообще — дѣвочка «кысь», наконецъ вообще ребенокъ «ого». — Словомъ мальчики, парни — во множественномъ числѣ «уолларъ» назывались въ

старину всё молодые люди рода, его военный отрядъ; словомъ дѣвочки «быргыттеръ» — всё дѣвушки племени — они же прислужницы; словомъ «ого» ребенокъ принято было называть всёхъ родившихся послѣ, всёхъ младшихъ рода. — Все это сильно затрудняетъ пониманіе преданій и былинъ, поскольку они касаются родственныхъ связей. Когда тамъ сказано «женился на младшей сестрѣ», то это можетъ значить также на женщинѣ «родившейся послѣ». Одно несомнѣнно — бракъ происходилъ въ старину внутри рода.

Относительно различенія дѣтей отмѣчу, что только понятіе мать обозначено у якутовъ специальнымъ словомъ «іэ», имѣющимъ такой же физиологическій корень, какъ и у насъ; слово же отецъ «ага», которое теперь употребляется ими, значило въ старину «старшій» и теперь еще употребляется въ томъ смыслѣ въ специальныхъ оборотахъ. Когда при составленіи таблицъ родства я спрашивалъ — названія, мнѣ всегда ставили вопросъ, старшій или младшій «ага ду балысь ду»? даже безъ различія къ полу. Все это заставляетъ насъ полагать, что эндогамическій якутскій бракъ имѣлъ крайне неопредѣленныя формы, что былъ моментъ, когда дѣти принадлежали всему племени, и что счисленіе родства велось въ началѣ по всей вѣроятности въ материнской линіи. Исслѣдованія якутской семьи и рода подтверждаютъ это. Подтверждаетъ это также отсутствіе специального названія для мужа, который зовется просто «эрэ» — мужчина, между тѣмъ, какъ для понятія — жена есть специальное слово «ојохъ»: подтверждаетъ также названіе семьи, соответствующей римской «фамиліа», именно: она зовется «іэ - уса» материнскій родъ въ отличіе отъ настоящаго рода отчаго — «ага-уса».

Очеркъ будетъ не полнымъ, если я, хоть слегка, не коснусь роли, какую играетъ въ якутскомъ бракѣ его перво-источникъ — любовь. Я упомянулъ уже, что вступающіе въ бракъ часто не знаютъ другъ друга и не видѣлись до момента, когда стали мужемъ и женою и говорилъ, что якуты нерѣдко женили маленькихъ дѣтей, что все дѣло сводилось къ договору старшихъ, къ волѣ родителей. Наблюдатели, подмѣтившіе только это, выражали не разъ даже печатно мнѣніе, что якуты не знаютъ любви, что они живутъ и женятся и обходятся безъ нея. Это не вѣрно. Правда, экзогамія и порабощеніе женщины на долго устранили возможность выбора; матеріальная сторона брака, необходимость выкупа, зависимость влѣдствіе этого отъ родителей, лишили въ значительной мѣрѣ этого — даже мужчину; но любовь не умерла. Она принуждена была только принять незаконныя формы.

У якутовъ, какъ и у насъ, встрѣчаются въ изобиліи семейныя драмы: измена, ревность, побѣги, сумасшествіе, самоубійства, имѣющіе въ основѣ вражду мужа и жены и порабощеніе чувства. Въ старину было тоже; преданія

нерѣдко описываютъ, какъ жены въ трудныя минуты принимали сторону враговъ, какъ перерѣзывали тетивы луковъ, чтобы братьямъ доставить побѣду надъ мужьями. Тамъ-же указывается на любовь, на свободу выбора, какъ на исходъ.

Путемъ жестокой борьбы и страданій элементъ чувства опять отвоевываетъ себѣ въ якутскомъ бракѣ все возрастающее вліяніе; обычай спрашивать молодыхъ распространяется все больше, даже закоренѣлые старики якуты признаютъ его пользу. Борьба придала только особый блескъ и остроту этому на время подавленному чувству.

Чтобы дать понятіе о характерѣ его, позволю себѣ, въ заключеніе моего доклада, прочесть импровизацію якутской дѣвушки, записанную Худяковымъ. Я читалъ ее въ тюркскомъ текстѣ: она дѣйствительно прекрасна, это—стихами сложенная пѣсня; русскій переводъ прозаическій, но очень точный и мѣткій.

Импровизація дѣвушки-якутки

Ахъ, ребята! голову-мысли мои вскружили ловкіе (верткіе) мужчины, стоя-кружась, свѣтя своимъ блескомъ, покрывая свой внутренній обманъ, околдовывая удачностью своихъ выраженій (словъ), заставляя завидовать на свое добро (богатства и добрыя качества), проникая взоромъ мое сердце и печень....

Ахъ, ребята! Еслибъ полюбивши этого человѣка, обнявши его на два или на нѣсколько часовъ, поцѣловавши-понюхавши, приблизивши къ своему сердцу, хотя и расталась-бы я (съ нимъ), то я, худая собою, послѣ, когда тѣло мое жидко, какъ вода, когда стану я старухой хрупкой, какъ гнилое дерево, постарѣю, развѣ скажу я, что въ молодости я не была счастлива? Эгяй, 2.

Ахъ! Русскій молодецъ! сидишь ты, слушая — думая, чего хорошаго скажетъ, что можешь сказать женщина-дѣвушка съ такою недалнею (короткою) мыслью, съ такою узкою памятью, съ жесткимъ (грубымъ, невыдѣланнымъ) платьемъ? Эгяй, 2.

Мужчины-люди, вы думаете, что лучшія изъ женщинъ, дѣвицы, не имѣютъ сердца, способнаго любить! Еслибъ знала я, что языкъ мой, рѣчь, голосъ моего горла, можетъ расшевелить ваше сердце, заставить его разрываться отъ жалости, можетъ заставить васъ хорошо думать обо мнѣ—пѣла-бы я, ребята, безостановочно; воспѣвала-бы я ребята. Обратившись отголоскомъ голоса, украшеніемъ выраженій, я разжалобила-бы ваши сердца, смягчила-бы каменную вашу мысль, развязавъ, растопивъ вашу ледяную память, сдѣлала-бы я васъ столь безсильными, какъ маленькое дитя, только что начинающее сидѣть; запѣла-бы васъ такъ, чтобы вы не могли ни встать, ни пошевелиться.

Ахъ! Имѣющіе голосъ пѣвчей птички (канарейки), платье подобное наружной сторонѣ крыльевъ чирка, поясъ подобный радугѣ, туда-сюда разѣдетесь вы далеко, свѣтя, какъ падающая звѣзда, расчеркивая небо, блестя какъ молнія, заставивъ зариться¹⁾, полюбить себя. Только, ребята, я, ходя взадъ и впередъ, видя во снѣ, удерживая въ памяти, нѣжа сердце-печень, думая (о васъ), считаюсь за счастливую, одна на землѣ, буду ходить несчастною. Эй! Ахъ, парни! ахъ, хорошіе люди! Вы подумаете, разсердитесь, осуждая (меня): «Эдакая страшная осмѣлилась посмотретьъ на насъ! Чѣмъ я спасусь отъ этого, ребята? Развѣ обвиню ваше доброе? Развѣ обвиню вашу хорошую сторону? Ахъ, досада моя! Быть-бы мнѣ лучшей-почетной и вскружить ваши мысли. Ахъ, досада моя! Значитъ вы уйдете, оскорбившись и осердившись. И хорошіе и худые смотрятъ глазами на (мое) ласковое блестящее солнце, (развѣ оно) оскорбляется этимъ, что-ли?

Ахъ, ребята! Говорятъ на томъ свѣтѣ есть господинъ, списывающій хорошее и худое, грѣхъ и черное (темныя дѣла). Тотъ господинъ, поставитъ-ли мнѣ въ вину эти сказанныя мною слова, за то, что я осмѣлилась любящими глазами посмотретьъ на лучшихъ себя, думая, что всѣ должны быть равны мнѣ? и внесетъ (ли) онъ ребята (эти слова) въ черное письмо?

Ахъ, досадные! Улыбнувшись, какъ тѣни, вы уѣзжаете такъ, какъ огонь заходящаго солнца уменьшается, выйдетъ на гору, удаляется-удаляется и исчезаетъ! Но все-таки, какъ отъ солнца остается по горамъ солнечный отблескъ, такъ въ памяти и мысли я буду носить (о васъ воспоминаніе). Эгяй, 2.

В. Спрошевскій.

¹⁾ Зариться—завидовать; сибирскій провинциализмъ.